

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОТКЛИК КУЛЬТУРЫ: МОДУС ТРАГИЧЕСКОЙ УСТАЛОСТИ

DOI 10.15826/qr.2023.1.773

УДК 821.161.1'01 + 82-941 + 2-23 + 159.9:316.6 + 615.851.2

Обличения волхвования как бесовского наваждения в древнерусском «Измарагде»*

Ольга Туфанова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН,
Москва, Россия

Denunciations of Sorcery as Demonic Possession in Old Russian *Izmaragd*

Olga Tufanova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Old Russian scribes repeatedly tried to refute and devalue the abilities of the sorcerers in works of various genres. However, despite all attempts to instill in people a negative attitude towards sorcery, in the seventeenth century, both commoners and rulers turned for help to magicians, sorcerers, whisperers, astrologers, shamans, etc. at difficult times of their lives. A centuries-old tradition behind such appeals forced preachers to use various poetological and psychological methods of persuasion and suggestion. This article explores the rhetorical suggestive techniques and features of the argumentation system in homilies against sorcery, which are part of *Izmaragd*, an Old Russian collection of regulatory texts of stable composition. The author refers to *The Homily of the Holy Fathers on Sorcery*, a part of the 16th-century *Izmaragd*, and *The Homily of St John Chrysostom on Those Who Are Cured of Illness by Sorcery*, which is part of the *Izmaragd*. In 17th-century *Izmaragd*, *The Homily of the Holy Fathers about Sorcery* is part of *The Homily about Those Who Are Treated by Sorcery* and does not exist separately as an independent text. Therefore, referring to these texts, one can

* Citation: Tufanova, O. (2023). Denunciations of Sorcery as Demonic Possession in Old Russian *Izmaragd*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 19–33. DOI 10.15826/qr.2023.1.773.

Цитирование: Туфанова О. Denunciations of Sorcery as Demonic Possession in Old Russian *Izmaragd* // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 1. P. 19–33. DOI 10.15826/qr.2023.1.773 / Туфанова О. Обличения волхвования как бесовского наваждения в древнерусском «Измарагде» // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 19–33. DOI 10.15826/qr.2023.1.773.

trace how the original suggestive rhetorical devices and argumentation change. The study demonstrates that in comparison with *The Homily of the Holy Fathers about Sorcery*, *The Homily about Those Who Are Treated by Sorcery*, uses a richer palette of rhetorical and psychological methods of influencing the audience. The communicative goal of convincing people to refuse to turn to sorcerers is achieved in different ways. Perhaps due to the brevity of the text itself, *The Homily of the Holy Fathers on Sorcery* employs simple traditional means, i. e. multiple repetitions and appeal to authority (indirect quotations). *The Homily about Those Who Are Treated by Sorcery* employs a different, more subtle technology of speech hypnosis in the form of direct and contextual suggestions. In addition to the rhetorical devices typical of old Russian sermons (repetitions, rhetorical questions, exclamations, appeals, comparison, etc.), the text contains an extensive system of argumentation. Appeals to authority (in particular, its subtype – appeal to fame) combine with examples that are a model of behaviour and an anti-model, as well as with maxims of a different nature (intimidating, containing promises). The two *Homilies* demonstrate two completely different systems of speech impact on the audience. It is unnecessary to talk about the intentional transformation of original rhetorical suggestive devices and systems of argumentation in relation to these texts. Most likely, *The Homily of the Holy Fathers about Sorcery* inherits the oral tradition of delivering sermons and therefore is based on simple methods of suggestion easily perceived by the ear, and *The Homily about Those Who Are Treated by Sorcery*, conceived as a written text, was created based on old rhetorical schools.

Keywords: Old Russian literature, *Izmaragd*, homily against sorcery, teaching, rhetorical suggestive techniques, speech hypnosis, direct and contextual suggestions

В памятниках разных жанров древнерусские книжники неоднократно пытались развенчать и обесценить способности волхвов. Однако, несмотря на все попытки внушить народу отрицательное отношение к волхвованию, и в XVII столетии и простолюдины, и власть предрержащие в особо трудные моменты своей жизни обращались за помощью к кудесникам, чародеям, шептунам, звездочетцам, шаманам и пр. Ясное осознание того, что за подобными обращениями стоит многовековая традиция, заставляло проповедников использовать различные поэтологические и психологические приемы убеждения и внушения. Цель настоящей статьи – исследовать риторические суггестивные приемы и особенности системы аргументации в словах против волхвования, входящих в состав древнерусского четвертого сборника устойчивого состава «Измарагд». Материалом для анализа послужили «Слово святых отец о волхвовании», входящее в «Измарагд» XVI в., и «Слово святого Иоанна Златоуста о лечащихся в болезни волхвованием», входящее в состав «Измарагда» XVII в. В «Измарагде» XVII столетия «Слово святых отец о волхвовании» входит в состав «Слова о лечащихся волхвованием» и не существует отдельно как самостоятельный текст, поэтому на примере этих памятников можно проследить, как менялись исходные суггестивные риторические приемы и аргументация.

Исследование показало, что в «Слове о лечащихся волхвованием», по сравнению со «Словом святых отец о волхвовании», используется более богатая палитра риторических и психологических приемов воздействия на аудиторию. Единая коммуникативная цель – убедить людей отказаться от обращения к волхвам – достигается по-разному. В «Слове святых отец о волхвовании», возможно, в силу краткости самого текста используются простые традиционные средства – многократный повтор и аргумент к авторитету (косвенные цитаты). В «Слове о лечащихся волхвованием» применяется иная, более тонкая технология речевого гипноза – прямые и контекстные внушения. Помимо типичных для древнерусских проповедей риторических приемов (повторов, риторических вопросов и восклицаний, призывов, сравнений и др.), здесь обнаруживается разветвленная система аргументации. Аргументы к авторитету (в частности, их подвид – аргументы к известности) сочетаются с примерами, представляющими собой образцовую модель поведения и антимодель, а также с сентенциями разного характера (запугивающими, содержащими посулы-обещания). По сути, «Слово святых отец о волхвовании» и «Слово о лечащихся волхвованием» демонстрируют две абсолютно разные системы речевого воздействия на аудиторию, говорить о намеренной трансформации исходных риторических суггестивных приемов и системы аргументации в отношении этих памятников не приходится. Скорее всего, «Слово святых отец о волхвовании» наследует устную традицию произнесения проповедей и потому строится на простых, легко воспринимаемых на слух приемах внушения, а «Слово о лечащихся волхвованием», изначально задумывавшееся как письменный текст, создавалось с опорой на античные риторские школы.

Ключевые слова: древнерусская литература, «Измарагд», слово против волхвования, поучение, риторические суггестивные приемы, речевой гипноз, прямые и контекстные внушения

В древнерусской литературе довольно рано за словом «волхв» закрепились отрицательная коннотация. Так, согласно «Словарю древнего славянского языка, составленному по Остромирову евангелию», волхвъ – «чародей», а волхвованиѣ – это «чародейство», волхвовати – «заниматься колдовством, прорицать» [Словарь, с. 77], аналогичные значения читаются и в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [Срезневский, стб. 381–382]. Д. С. Лихачев в работе «Бунт кромешного мира» отмечал, в частности: «Когда летописец рассказывает под 1071 г. о верованиях белозерских волхвов, он изображает их представления о вселенной как своего рода смеховой антимир. <...> Эта картина мира служит возвеличиванию христианских представлений и разоблачает волхвов, их ложь» [Лихачев, с. 378].

На протяжении семи веков развития русской средневековой словесности образы волхвов неизменно были связаны с миром зловещим, а их искусство прорицать, заговаривать болезни и другие

их магические способности приравнивались к богопротивной деятельности, дьявольскому/бесовскому наваждению.

В памятниках разных жанров древнерусские книжники пытались разными способами развенчать и обесценить деятельность волхвов. Однако, несмотря на все попытки внушить народу отрицательное отношение к волхвованию, и в XVII столетии и простолюдины, и власть предержащие в особо трудные моменты своей жизни обращались за помощью к кудесникам, чародеям, шептунам, звездочетцам, шаманам и пр. Достаточно в этой связи вспомнить два характерных фрагмента.

Первый – обращение Бориса Годунова к волхвам и звездочетцам, о котором упоминает составитель так называемого «Иного сказания». После убийства царевича Дмитрия восплаивший желанием взойти на царский престол Борис Годунов

...нача испытовати многими волхвы и звѣздословцы... мочно ли ему доступити престола царскаго и быти царемъ. Они же, его видя желаніе великое о семь и въ большее чаяніе и радость вводя его, сказующе ему, яко родися въ ту звѣзду царскую, и будешь царь великой Росіи [Такъ называемое Иное сказание, стб. 10].

Второй яркий пример – это рассказ протопопа Аввакума в «Житии» о том, как боярыня Евдокия Кирилловна в его отсутствие, «смалодушничавъ», «послала» заболевшего ребенка «к шептуну-мужику» [Житие, стб. 33].

В обоих случаях при всей их разности у истоков обращения к людям, наделенным сверхъестественными способностями в народном представлении, стоят некая неразрешимая или трудноразрешимая проблема, беда, болезнь, с одной стороны, и надежда на помощь – с другой. Какое именно желание движет тем, кто обращается к волхву, или шептуну, или звездочетцу, – желание спасти заболевшего ребенка или желание знать будущее – не столь важно. Значимо другое: «Наше восприятие реальности и наши суеверия обусловлены верой в то, что за неестественными явлениями следуют естественные, другими словами, жизнь всегда возвращается в нормальное русло» [Фексеус, 2020, с. 543–544]. Это желание возврата в нормальное состояние, а также страх перед будущим или тяжелым и/или неизлечимым заболеванием и заставляет отчаявшихся и испытывающих страдания обращаться к предсказателям и всякого рода целителям. В этот момент человеком движет культурная и генетическая память; мозг, запрограммированный на «магическое мышление»¹, подсказывает апробированный поколениями путь, естественный с народной точки зрения и абсолютно неприемлемый с христианской, поскольку обращение к чародеям является следствием суеверных представлений, а волхование – разновидность греха, отдаляющего и того, кто прибегает

¹ См. подробнее: [Фексеус, 2020, с. 542–546].

к помощи волхвов, и самих предсказателей от Бога, к тому же не облегчающего участь человека, а усугубляющего его и без того тяжелое положение.

Так, обращение к мужику-шептуну, колдуну Орефе не принесло, согласно «Житию протопопа Аввакума», облегчения заболевшему, наоборот, «младенець пуци занемогъ; рука правая и нога засохли, что батошки», «робеночекъ на кончину пришелъ» [Житие, стб. 33]. Волхвов и «звездословцев» спустя малое время после предсказания Борис Годунов «коварно и потаенно смерти предал» [Такъ называемое Иное сказание, стб. 11].

Оба фрагмента из абсолютно разных памятников XVII столетия становятся поводом для рассуждения в них о том, что «не звѣзднымъ движеніемъ се, но промысломъ Вседержителя Бога кождо насъ житіе строится» и «всякъ бо вѣруя звѣздослови врагъ Божій есть» [Там же]. Не случайно и ребенок выздоравливает благодаря материнскому покаянию и помощи протопопа, который, «помоля Бога и покадя», «помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ» младенца, и тот – «далъ Богъ» – «опять здоровъ сталъ» [Житие, стб. 33–34].

Об обращениях Бориса Годунова к волхвам и боярыни к «мужику-шептуну» рассказывается как бы мимоходом в памятниках, но само наличие этих эпизодов свидетельствует о том, что тема волхвования была живой и актуальной и в XVII столетии, и в глубокой древности, если вспомнить обращение к кудесникам в «Повести временных лет» вещего Олега, пожелавшего узнать, откуда ему смерть будет [Лаврентьевская летопись, стб. 38–39].

Отсюда понятно желание средневековых проповедников и духовных учителей убедить паству отказаться от обращения к волхвам и прочим людям, предоставляющим паранормальные услуги. Ясное осознание того, что за подобными обращениями стояла многовековая традиция, заставляло духовных учителей использовать различные приемы убеждения и внушения и применять разные системы аргументации. Как справедливо отмечал А. В. Каравашкин, «изменчивость ситуаций порождает смену стратегий, а с последними менялись и способы воздействия на адресата, приемы побуждения его к тому или иному действию» [Каравашкин, с. 275]. Стремясь к достижению назидательных целей, проповедники проявляли «гибкое отношение к структуре проповеди»², это касалось и редакторской работы при переписывании сборников устойчивого состава. Особый интерес в этом ключе представляют тексты, позволяющие проследить, как проповедники трансформировали в словах и поучениях исходные риторические суггестивные приемы. Наиболее ярко это видно на примере «Слова святых отецъ о волхвовании»³, входящего в «Измагард» XVI в. [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.1.

² См. подробнее: [Журавель, с. 1381].

³ Аналогичный текст известен также под другим названием – «Слово о волхвах».

Ед. хр. 204] и «Слова святого Иоанна Златоустаго о лечащихся в болезни волхвованием», входящего в состав «Измарагда» XVII в. [Там же. Ед. хр. 202] (далее – «Слово о лечащихся волхвованием»).

«Измарагд» – древнерусский четий сборник устойчивого состава, предназначенный «для домашнего и монастырского келейного чтения» [Творогов, с. 397], – распространялся «в русской рукописной книжности в XIV–XIX вв. (известно не менее 150 списков)» [Грицевская, Литвиненко, с. 250]. Начиная с исследования В. А. Яковлева в сборнике принято было выделять «две редакции: 1-ю (“Древнейшую”) и 2-ю (“Основную”), значительно превосходящую 1-ю по составу» [Пудалов, 2004, с. 330; Яковлев]⁴, по терминологии У. Р. Федер – редакции *a* («Древнейшую», 1-ю) и *b* («Основную», 2-ю – древнейшую, по мнению исследователя) [Федер]. В последних же по времени появления работах М. В. Чистяковой речь идет о трех редакциях «Измарагда»: 1-й (древнейшей), 2-й (основной) и 3-й (литовской) [Чистякова, 2015, с. 14; Чистякова, 2012]. При этом исследователи неоднократно отмечали, что 2-я (основная) редакция «Измарагда» «весьма существенно отличается от первой по составу: в нее не вошло 38 глав, читавшихся в первой, а добавлено 115 новых» [Творогов, с. 398]; более того, многие слова были подвергнуты существенной переработке.

Выбранные для анализа слова о волхвах и волхвовании входят, соответственно, в состав «Измарагда» 1-й и 2-й редакций. Причем «Слово святых отец о волхвовании» отсутствует в «Измарагде» XVII столетия в том варианте, как оно представлено в «Измарагде» XVI в. И, поскольку оно не существует отдельно как самостоятельный текст, а включено в состав «Слова о лечащихся волхвованием», то на примере этих двух памятников можно проследить, как меняются и меняются ли приемы речевого воздействия и аргументация.

«Слово святых отец о волхвовании» представляет собой весьма краткий пересказ библейского рассказа о царе Охозии⁵ (в тексте – Иозеи), который, будучи болен, послал «к вилове болвану, и к жерьцомъ, въпросити», будет ли он жив [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.1. Ед. хр. 204. Л. 160 об.]. Памятник не имеет предисловия, и все повествование в нем подчинено одной главной идее, которая актуализируется через повтор, – обращение к волхвам за предсказанием грозит человеку преждевременной смертью: «да умреши преже времени понеже бога оставивъ и у бесовъских слугъ въпраша о животе, така убо бываеъ смерть [нрзб.] без года и преже времени ходившим к волхвомъ» [Там же. Л. 161]. Мысль, прозвучавшая в середине поучения, повторяется и в концовке памятника: «да блюдитесь, братия моя любимая, проклятаго волхвования, да не преже в[р]емяни умерше, и по смерти муку вечную приимете» [Там же]. При этом

⁴ Подробнее литературную историю «Измарагда» 1-й и 2-й редакции см.: [Яковлев; Пудалов, 2000; Пудалов, 2004].

⁵ Охозия – сын и преемник Ахава, царя израильского, правивший два года (852–851 гг. до Р. Х.) (3 Цар. 22 : 51–53). См.: [Никифор (Бажанов), архим.].

сюжетная часть библейской истории, читаемая в первой главе Четвертой книги Царств, не воспроизводится полностью, по сути, в памятнике содержится только отсылка к ней. Более того, и имя царя, и именование Вельзевула, божества Аккаронского, сильно искажены, последнее – до неузнаваемости. А сам пунктирно намеченный сюжет служит отправной точкой для деклариования главной идеи.

При помощи лексических повторов заостряются в «Слове святых отецъ о волхвовании» и две другие мысли. Первая – обращение за предсказанием означает сознательный отказ от Божией помощи: «оставивъ Божию помощь посла к волхвом... онъ же бо жия помощи не въсхотевъ... оставивъ бога и законъ его и посла к бесомъ въпрашати о животе своем и о смерти» [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.I. Ед. хр. 204. Л. 160 об. – 161]. Вторая – волхвы веруют не в Бога, а в бесов, они бесовские слуги: «въпрашати вълхвовъ иже в беса веруютъ... посла к бесомъ въпрашати... у бесовскихъ слугъ въпраша...» [Там же].

Три тезиса, неустанно повторяемые, формируют у читателя устойчивое негативное отношение к волхвованию, но не только. Подспудно использованная «триадическая схема»: «Мысль, воплощающаяся в слове, указующем дело и в нем реализующем мысль (ему, слову, предшествующую)» [Васильева, с. 143] – призывает читателя к конкретным действиям – отказу от обращения к волхвам и упованию на Божью помощь. Эксплуатируемая в памятнике «триадическая схема» апеллирует не столько к разуму, сколько к эмоциональной сфере и служит тому, чтобы через компрометацию и разоблачение волхвов внушить читателям страх перед взаимодействием с ними и таким способом привести человека к Богу. Обращение к чувствам снижает «сознательность и критичность при восприятии и реализации внушаемого текста, нивелируя активное понимание, развернутый логический анализ и оценку» [Головин, с. 679]. Отсюда, вероятно, и сознательный отказ от полного воспроизведения сюжета библейской истории.

Типичный для учительной литературы Древней Руси прием убеждения – многократное повторение одних и тех же тезисов – поддерживается в «Слове святых отецъ о волхвовании» не менее традиционным аргументом к авторитету, правда, пунктирно намеченным и неразвиваемым. В памятнике упоминается о том, что святые апостолы «прокляша волхвование», а святые отцы на Седьмом соборе не только «прокляша же» волхвов, но и «заповедаша имъ держати епитемья велики» [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.I. Ед. хр. 204. Л. 161].

Таким образом, в «Слове святых отецъ о волхвовании» используются традиционные механизмы воздействия на аудиторию, чтобы убедить людей отказаться от обращения к волхвам: многократное повторение одних и тех же идей и аргумент к авторитету. Перед нами – классический образец программирования человеческого сознания на усвоение определенного (в данном случае отрицательного) отношения к волхвованию как некой «групповой нормы», которая

формируется на основе принципа: «если повторить мысль много раз, она становится истиной» [Фексеус, 2019, с. 492]. Сравнительно недавние психологические исследования, по словам Х. Фексеуса, позволили прийти к заключению: «если ты хочешь заставить как можно больше людей придерживаться какого-либо мнения или выполнять какие-либо действия, тебе следует повторять свою мысль на словах и на письме как можно чаще» [Там же, с. 493]. Именно такая практика внушения наблюдается в «Слове святых отец о волхвовании», и удивительно, что этой практикой (осознанно или нет – это другой вопрос) владели и активно пользовались средневековые проповедники.

Как уже было отмечено ранее, в «Измарагде» XVII столетия «Слово святых отец о волхвовании» входит в состав «Слова о лечащихся волхвованием». Расширение объема текста привело, с одной стороны, к изменению структуры слова, а с другой – к изменению исходных риторических суггестивных приемов и к несколько иной аргументации.

Прежде всего в «Слове о лечащихся волхвованием», в отличие от «Слова святых отец о волхвовании», используется кольцевая композиция. Начало и конец текста, отражая аксиоматические предпочтения автора/редактора, призваны внушить слушателю и/или читателю мысль о том, что все болезни и беды необходимо смиренно терпеть, благодаря Бога, ибо в них – спасение души. Проповедь открывается размышлениями о том, что «скорбная имения лишения или болезни», «недугъ лють» – это муки, которые «ослабу намъ творить» [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304. I. Ед. хр. 202. Л. 11 об.]. И многие, «нудяще», то есть вынужденно, измаявшись, обращаются к чародеям и волхвам:

...ты же о бозе уповаи и терпи, се ти мучения венець приносить и избавление от онехъ мукъ, иже в болезни слежаще благодарити бога, чего бо ради христиане ся зовемъ да повинимся христу [Там же].

Эта же мысль повторяется и в финале памятника, но уже в емком, безапелляционном, не допускающем иных прочтений и толкований посыле:

О человеце, аще благодаря бога болезни терпиши или иныя лютыя беды, то с мученики венчанъ будеши в день онъ, они бо муки претерпели, а ты болезни и беды благодарне стерпи, о христе иисусе, господе нашем [Там же. Л. 13–13 об.].

Одновременно в начале и в конце «Слова о лечащихся волхвованием» в главный посыл вплетается обещание обретения лучшей участи в будущем веке как высшего блага для истинных христиан. Это обещание снимает заданную изначально этическую и психологическую дилемму: по какому пути идти, когда настигают болезни и беды? Обращаться ли к чародеям и волхвам или смиренно терпеть и благодарить за страдания Бога? Просить о помощи врагов Божиих или

повиниться пред Христом? Облегчить страдания тела, погубив душу, или принять телесную болезнь, очистив тем самым душу?

В действительности психологический выбор, перед которым оказывается изнуренный болезнями и иными муками человек, почти сразу в проповеди переводится в разряд метафизического выбора. И, более того, как таковым выбором он и не является, поскольку проповедник, задав его парадигму, мгновенно переходит к довольно агрессивному речевому гипнозу разного типа. Прежде всего в сознание читателей внедряется через многократный повтор отрицательная оценка волхвов как врагов Божиих:

...нейдемъ ко врагомъ божиимъ к волхвомъ, волхвы бо и чародеи, то врази суть божи, лучше есть умрети, нежели ко врагомъ божиимъ поити [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.I. Ед. хр. 202. Л. 11 об. –12].

«Внушение через оценку»⁶ далее подкрепляется запугивающими сентенциями, которые выстраиваются по принципу «да..., но...». Внешне мягкое начало таких сентенций – признание и утверждение самого факта возможной помощи волхвов в облегчении телесных страданий – резко сменяется запугиванием на метафизическом уровне: «кое пособие тело целити, а душу губити. Каяли приобрете ль zde приняти мало утешение, а онамо посланнымъ быти с бесы в вечный огнь» [Там же. Л. 12]. Соглашаясь с тем, что целительская практика чародеев и волхвов может иметь положительный результат на телесном уровне, проповедник заставляет слушателя/читателя в свою очередь внутренне принять и внушаемое убеждение: обращение за помощью к волхвам несет погибель душе. Антитезы «жизнь/здоровье – смерть», «тело – душа», вплетенные в сентенцию, усиливают эффект «контекстуального» внушения, при котором согласие позволяет создать некую общую для проповедника и паствы картину мира и легко потом ее изменить, введя главную информацию в конец фразы.

Такого типа запугивающие сентенции используются исключительно в начале проповеди. В финале «Слова о лечащихся волхвованием» проповедник переходит к «прямым внушениям», не допускающим внешнего согласия с бытующей точкой зрения, и однозначно декларирует мысль о том, что обращение к чародеям есть великий грех, а примирение с болезнями – богоугодное и единственно правильное для христианина поведение:

...не отимуть болезни чаровницы, но точию грехъ есть великъ и лют бога бо оставя к бесомъ течеши, и за то какову приимеши милость от бога и како призовеши его в молитвахъ [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.I. Ед. хр. 202. Л. 13].

⁶ Подробнее о типах внушения см.: [Бакиров, с. 203].

Сентенции как яркое средство аргументации в защиту внушаемой мысли подкрепляются в финале каскадом риторических вопросов, ответы на которые уже не требуются после прочтения или прослушивания основной части проповеди:

...почто душу си губиши, како богу отвечаеши, малы дея болезни бога оставя и волхвов ищещи, како ли прочее во церкви станещи, и како причастишися пречистаго тела и крови христовы, и како почитаема слышиши [Там же].

В основной части «Слова о лечащихся волхвованием» проповедник использует аргументы к авторитету⁷, или аргументы социальные. Для доказательства главной идеи и внушения ее пастве он обращается к самому авторитетному для христиан источнику – Библии – и приводит три разные истории, каждая из которых направлена «на формирование положительного или отрицательного суждения в отношении высказываемого тезиса» [Катунин] и в нужном проповеднику аспекте раскрывает, к каким последствиям ведет правильное и неправильное поведение тяжело заболевшего или терпящего лишения человека. По сути, такие контекстуальные, по терминологии А. А. Ивина, аргументы⁸, использовавшиеся еще ораторами Древнего Рима, не являются оригинальными риторическими приемами убеждения. Многие проповедники Древней Руси в словах и поучениях активно применяли аргументы к авторитету, чаще всего один из подвидов – аргументы к известности в виде цитат, например, изречения апостолов. В рассматриваемом «Слове о лечащихся волхвованием» такой вид аргументации отсутствует. Проповедник, очевидно, намеренно отказываясь от прямого или косвенного воспроизведения высказываний библейских персонажей как декларируемых незыблемых тезисов, делает акцент на самих библейских персонажах, чьи жизненные истории подаются как «описание образцового поступка (модель) или отрицательного, неправильного поступка (антимодель) с соответствующим комментарием» [Волков], то есть использует «более сложный механизм идеологического воздействия», что было связано, как справедливо отмечала Л. С. Соболева, с «усилением конфликтности в обществе, которое выявилось в XVII в. на нескольких уровнях (имущественное расслоение, религиозные разногласия, разнонаправленные векторы культурного развития, осознание личного бесправия как драмы и т.д.)» [Соболева, с. 254].

Открывает основную часть «Слова о лечащихся волхвованием» рассказ о царе Охозии (в тексте – Иозеи), почти дословно воспроизводящий текст «Слова святых отец о волхвованиях», о котором шла речь выше. Единственное отличие – это использование специфиче-

⁷ Подробнее см.: [Москвин].

⁸ Подробнее см.: [Ивин].

ского ритма. «Собственно, волшебная, чарующая, одурманивающая сила ритма, – пишет один из ведущих сегодня в России консультантов по нейролингвистическому программированию и гипнозу А. К. Бакиров, – известна со времен первых шаманов. Танцы, песни, ритуалы сопровождают человечество на протяжении всей истории. Бубны и барабаны, мантры и речитативы, хороводы и колыбельные – ритм помогает настроить мозг на правильный лад. Хоть на охоту, хоть на убийство, хоть на долгую работу, хоть на сон» [Бакиров, с. 173]. В «Слове о лечащихся волхвованием» тоже используется «сила ритма», но особого плана: проповедник на протяжении сравнительно большого фрагмента чередует постоянно повторяемую мысль об оставлении Бога и обращении к волхву с короткими фразами, двигающими сюжетное повествование вперед:

...онъ же бога забывъ и посла к вилочи болвану и к жерцемъ его воспросити, буду ли живъ. О глубина зла, о разумъ беззаконенъ. Бога вышняго оставя и к волхвомъ ити о животе вопрошати, сrete же илия слуги [нрзб.] и рече имъ, рците царю своему, понеже бога оставя и законъ его и посла к бесомъ о животе вопрошати, се ти царю от бога глаголю, умрети имаши прежде времени, понеже оставивъ бога, у бесовских слугъ о животе вопрошаеши [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.I. Ед. хр. 202. Л. 12].

Внешняя безоценочность повторов при их ритмичном воспроизведении максимально усиливает и наделяет категоричностью фразывывод: «Тако убо братие смерть бываетъ преже времени ходившимъ к волхвомъ» [Там же]. Неявно выраженное контекстуальное внушение превращается в результате в «командный текст» [Бакиров, с. 207]: не обращайтесь за помощью к волхвам, уповайте на Бога! В противном случае умрете «преже времени». Таким образом, первый рассказ содержит образец неправильного для христианина поведения, ведущего к страшным последствиям – преждевременной смерти и гибели души, то есть представлен как антимодель.

Следующие два рассказа – о блаженном Иове и лежащем у врат богатого Лазаре – даются в тексте как образцовая модель поведения для человека болящего или терпящего какие-либо лишения. Их истории так же, как и первая, скорее пунктирно намечаются, чем подробно рассказываются. Иов, «по отнятии стадъ и воловъ и всего имения своего лишенъ», восхитил детей своими смиренными речами:

...господь далъ, господь и от[ъ]ять [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.I. Ед. хр. 202. Л. 12 об.];

...в безлезни слежа, не потребова волхвованиемъ целбы, но глаголаше, лучши ми есть умрети, неже благоверие предати [Там же].

[Лазарь] гладенъ и боленъ вся лета живота своего во вратех богатаго лежаше, не брегом и поругаем тако издъше, а врачевъ не взыска [Там же].

Оба предельно кратко представленных сюжета завершаются авторским комментарием, каждый – своим. История об Иове заканчивается призывом ко всем, «в недуге слежа, ни той взыска врачевъ ни прииде к чародеемъ но ожидаше от бога помощи» [ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.1. Ед. хр. 202. Л. 12 об.]. Призыв, подводный итог повествованию о Лазаре, предлагает сравнить свои страдания с болезнями библейских персонажей и обращен одновременно к эмоциям и логике читателей/слушателей: «они бо толики болезни терпяху, а мы аще и мало поболимъ, то зелейники и волхвы в домы своя приводимъ» [Там же. Л. 13].

Завершается основная часть обобщающим риторическим восклицанием, в основу которого положено яркое сравнение из предметного мира: «о братие, яко же бо злато во огни очищается, тако и человекъ болезнию от грехъ очищается» [Там же].

Таким образом, в «Слове о лечащихся волхвованием» в списке «Измарагда» XVII столетия (1-я редакция), по сравнению со «Словом святых отецъ о волхвованием», входящем в состав «Измарагда» XVI столетия (2-я редакция), используется более богатая палитра риторических и психологических приемов воздействия на аудиторию. Единая коммуникативная цель – убедить людей отказаться от обращения к волхвам – достигается по-разному. В «Слове святых отецъ о волхвованием», возможно, в силу краткости самого текста, используются простые традиционные средства – многократный повтор и аргумент к авторитету (косвенные цитаты). В «Слове о лечащихся волхвованием» применяется иная, более тонкая технология речевого гипноза – прямые и контекстные внушения. Соответственно, помимо типичных для древнерусских проповедей риторических приемов (повторов, риторических вопросов и восклицаний, призывов, сравнений и др.), здесь обнаруживается разветвленная система аргументации. Аргументы к авторитету (в частности их подвид – аргументы к известности) сочетаются с примерами, представляющими собой образцовую модель поведения и антимодель, а также с сентенциями разного характера (запугивающими, содержащими посулы-обещания). По сути, «Слово святых отецъ о волхвованием» и «Слово о лечащихся волхвованием» демонстрируют две абсолютно разные системы речевого воздействия на аудиторию, говорить о намеренной трансформации исходных риторических суггестивных приемов и системы аргументации в отношении этих памятников не приходится. Скорее всего, «Слово святых отецъ о волхвованием» наследует устную традицию произнесения проповедей и потому строится на простых, легко воспринимаемых на слух приемах внушения, а «Слово о лечащихся волхвованием», изначально задумывавшееся как письменный текст, создавалось с опорой на античные риторские школы, о чем свидетельствуют наличие аргументов к этосу и пафосу, а также ссылки на авторитеты.

Библиографические ссылки

- Бакиров А. К.* Разговорный гипноз: практический курс. М. : ЭКСМО, 2020. 384 с.
- Васильева Г. М.* Мифопоэтическая триада «Мысль – Слово – Дело» // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1, № 2 (12). С. 143–156.
- Волков А. А.* Виды риторических аргументов // Слово (Филология) : [образоват. портал]. URL: https://portal-slovo.ru/philology/37420.php?ELEMENT_ID=37420&PAGEN_1=4 (дата обращения: 17.09.2022).
- Головин С. Ю.* Словарь психолога-практика. 2-е изд. М. : Харвест, 2003. 976 с.
- Грицевская И. М., Литвиненко В. В.* Слово о различных образах спасения и о покаянии Псевдо-Афанасия Александрийского в славянских сборниках «Измарагд» // Слово. 2022. Sv. 72. С. 249–293. DOI 10.31745/s.72.7.
- «Житие» протопопа Аввакума // Памятники истории старообрядчества / ред. В. Г. Дружинин. Л. : Акад. наук СССР, 1927. Кн. 1. Вып. 1. Стб. 1–240. (Русская историческая библиотека. Т. 39.)
- Журавель О.* Искусство проповеди Андрея Денисова: риторические стратегии и приемы // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 4. С. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735.
- Ивин А. А.* Основы теории аргументации. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 352 с.
- Каравашкин А. В.* Послания Ивана IV (архитектоника и приемы суггестии) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 20. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 273–291. DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-273-291.
- Катунин А. В.* Некорректные аргументы как коммуникативная технология: виды, особенности, способы противодействия // Философская мысль : [интернет-журн.]. 2021. № 12. С. 15–32. DOI 10.25136/2409-8728.2021.12.37197. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37197 (дата обращения: 17.09.2022).
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. 2-е изд. М. : Языки славян. культуры, 2001. Т. 1. 496 с.
- Лихачев Д. С.* Бунт крошечного мира // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырков Н. В. Смех в Древней Руси. Л. : Наука, 1984. С. 378–391.
- Москвин В. П.* О типах и формах аргументации к авторитету // Рус. словесность. 2007. № 6. С. 61–70.
- Никифор (Бажанов), архим.* Охозия // Библейская энциклопедия : [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/3051> (дата обращения: 14.08.2022).
- ОР РГБ. Главное собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304.1. Ед. хр. 202, 204.
- Пудалов Б. М.* Литературная история 1-й («Древнейшей») редакции Измарагда // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2000. № 1. С. 76–95.
- Пудалов Б. М.* К литературной истории сборника «Измарагд»: формирование 2-й («Основной») редакции // Тр. Отд. древнерус. лит. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 330–342.
- Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию / сост. А. В. Старчевский. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1899. 946 с.
- Соболева Л. С.* Гимн семейной любви и гармонии в рукописном сборнике проповедей конца XVII века // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 254–270. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.014.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1893. Т. 1. А–К. IX с., 1420 стб., 49 с.
- Такъ называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. Стб. 1–144. (Русская историческая библиотека. Т. 13.)
- Творогов О. В.* Измарагд // Словарь книжников и книжности Древней Руси : [в 4 вып.]. Л. : Наука, 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 397–401.
- Федер У. Р.* Княжий Изборник и Изборник на грешния Йоан сред ранните глаголически компиляции // Vis et Sapientia: Studia in honorem Anisavae Miltenova / ed. by Jovčeva M. et al. Sofia : Ин-т за литература BAN, 2016. С. 395–419.

Фексеус Х. Искусство манипуляции. Думай так, как я хочу / пер. с швед. Е. Хохловой. М. : АСТ, 2019. 796 с.

Фексеус Х. Искусство манипуляции. Как стать умнее, счастливее и обрести смысл жизни / пер. с швед. Е. Хохловой. М. : АСТ, 2020. 608 с.

Чистякова М. В. К истории бытования Измарагда в Великом княжестве Литовском: музейский вариант второй редакции // *Кныготыра*. 2012. Т. 58. С. 7–35.

Чистякова М. В. Предварительные наблюдения над структурой и источниками лужского варианта Измарагда // *Slavistica Vilnensis*. 2015. Т. 60. С. 13–34. DOI 10.15388/SlavViln.2015.60.9928.

Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников : Опыт исследования «Измарагда». Одесса : Тип. Шт. войск Одес. воен. округа, 1893. 301 с.

References

Bakirov, A. K. (2020). *Razgovornyi gipnoz: prakticheski kurs* [Conversational Hypnosis: A Practical Course]. Moscow, EKSMO. 384 p.

Chistyakova, M. V. (2012). K istorii bytovaniya Izmaragda v Velikom knyazhestve Litovskom: muzeiskii variant tvoroi redaktsii [The History of Existence of the *Izmaragd* in the Grand Duchy of Lithuania: Museum Version of the Second Edition]. In *Knygotyra*. Vol. 58, pp. 7–35.

Chistyakova, M. V. (2015). Predvaritel'nye nablyudeniya nad strukturoi i istochnikami lutskogo varianta Izmaragda [Preliminary Remarks on the Structure and Sources of the Lutsk *Izmaragd* Version]. In *Slavistica Vilnensis*. Vol. 60, pp. 13–34. DOI 10.15388/SlavViln.2015.60.9928.

Feder, U. R. (2016). Knyazhii Izbornik i Izbornik na greshniya Ioan sred rannite glagolicheski kompilatsii [Princely Izbornik and Izbornik of John's Sins among the Early Glagolitic Collections]. In Jovčeva, M. et al. (Eds.). *Vis et Sapientia: Studia in honorem Anisavae Miltenova*. Sofia, Institut za literatura BAN, pp. 395–419.

Fexeus, H. (2019). *Iskusstvo manipulyatsii. Dumai tak, kak ya khochu* [The Art of Manipulation. Think the Way I Want] / transl. by E. Khokhlova. Moscow, AST. 796 p.

Fexeus, H. (2020). *Iskusstvo manipulyatsii. Kak stat' umnee, schastlivee i obresti smysl zhizni* [The Art of Manipulation. How to Become Smarter, Happier and Find Meaning in Life] / transl. by E. Khokhlova. Moscow, AST. 608 p.

Golovin, S. Yu. (2003). *Slovar' psikhologa-praktika* [Dictionary of a Practising Psychologist]. 2nd Ed. Moscow, Kharvest. 976 p.

Gritsevskaya, I. M., Litvinenko, V. V. (2022). Slovo o razlichnykh obrazakh spaseniya i o pokayanii Psevdo-Afanasiya Aleksandriiskogo v slavyanskikh sbornikakh "Izmaragd" [Pseudo-Athanasius' Homily on Various Ways of Salvation and Repentance in the Slavonic *Izmaragd* Miscellany]. In *Slovo*. Sv. 72, pp. 249–293. DOI 10.31745/s.72.7.

Ivin, A. A. (1997). *Osnovy teorii argumentatsii* [Fundamentals of the Theory of Argumentation]. Moscow, Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr VLADOS, 1997. 352 p.

Karavashkin, A. V. (2021). Poslaniya Ivana IV (arkhitektonika i priemy suggestii) [Letters of Ivan IV (Architectonics and Suggestion Techniques)]. In *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Iss. 20. Moscow, IWL RAS, pp. 273–291. DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-273-291.

Katunin, A. V. (2021). Nekorrektnye argumenty kak kommunikativnaya tekhnologiya: vidy, osobennosti, sposoby protivodeistviya [Incorrect Arguments as a Communicative Technology: Types, Features, Methods of Counteraction]. In *Filosofskaya mysl'* [website]. No. 12, pp. 15–32. DOI 10.25136/2409-8728.2021.12.37197. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37197 (accessed: 17.09.2022).

Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. (2001). In *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. 2nd Ed. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1. 496 p.

Likhachev, D. S. (1984). Bunt kromeshnogo mira [Riot of the Outer World]. In Likhachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. *Smekh v Drevnei Rusi*. Leningrad, Nauka, pp. 378–391.

Moskvin, V. P. (2007). O tipakh i formakh argumentatsii k avtoritetu [On the Types and Forms of Argumentation for Authority]. In *Russkaya slovesnost'*. No. 6, pp. 61–70.

Nikifor (Bazhanov), archimandrite. (N. d.). Arkhimandrit Okhoziya [Ahaziah]. In *Bibleiskaya entsiklopediya* [website]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/3051> (accessed: 14.08.2022).

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Glavnoe sobranie rukopisei Troitse-Sergievoi lavry. Stock 304.I. No. 202, 204.

Pudalov, B. M. (2000). Literaturnaya istoriya 1-i (“Drevneishei”) redaktsii Izmaragda [Literary History of the 1st (“Old”) Edition of *Izmaragd*]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1, pp. 76–95.

Pudalov, B. M. (2004). K literaturnoi istorii sbornika “Izmaragd”: formirovanie 2-i (“Osnovnoi”) redaktsii [On the Literary History of the *Izmaragd* Collection: The Formation of the 2nd (“Main”) Edition]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 55, pp. 330–342.

Soboleva, L. S. (2020). Gimn semeinoi lyubvi i armonii v rukopisnom sbornike propovedei kontsa XVII veka [A Hymn to Family Love and Harmony in a Manuscript Collection of Sermons from the Late 17th Century]. In *Dialog so vremenem*. No. 73, pp. 254–270. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.014.

Sreznevskii, I. I. (1893). *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Manuscripts. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 1. A–K. IX p., 1420 col., 49 p.

Starchevskii, A. V. (Ed.). (1899). *Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka, sostavlennyi po Ostromirovu Evangeliyu* [Dictionary of the Old Slavic Language, Compiled according to the *Ostromir Gospel*]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 946 p.

Tak' nazyvaemoe Inoe skazanie [The So-called Other Legend]. (1891). In *Pamyatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu vremeni*. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, col. 1–144. (Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. 13.)

Tvorogov, O. V. (1988). *Izmaragd* [Izmaragd]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, Nauka. Iss. 2. Part 1, pp. 397–401.

Vasil'eva, G. M. (2012). Mifopoeticheskaya triada “Mysl'-Slovo-Delo” [The Mythopoetic Triad “Thought – Word – Deed”]. In *Idei i ideal'y*. Vol. 1. No. 2 (12), pp. 143–156.

Volkov, A. A. (N. d.). Vidy ritoricheskikh argumentov [Types of Rhetorical Arguments]. In *Slovo (Filologiya). Obrazovatel'nyi portal* [website]. URL: https://portal-slovo.ru/philology/37420.php?ELEMENT_ID=37420&PAGEN_1=4 (accessed: 17.09.2022).

Yakovlev, V. A. (1893). *K literaturnoi istorii drevnerusskikh sbornikov. Opyt issledovaniya “Izmaragda”* [On the Literary History of Old Russian Collections: An Attempt at the Study of *Izmaragd*]. Odessa, Tipografiya Shtaba voisk Odesskogo voennogo okruga. 301 p.

“Zhitie” protopopa Avvakuma [The Hagiography of Archpriest Avvakum]. (1927). In Druzhinin, V. G. (Ed.). *Pamyatniki istorii staroobryadchestva*. Leningrad, Akademiya nauk SSSR. Book 1. Iss. 1, col. 1–240. (Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. 39.)

Zhuravel, O. (2022). Iskusstvo propovedi Andreyana Denisova: ritoricheskie strategii i priemy [The Art of Andrei Denisov's Sermons: Rhetorical Strategies and Techniques]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 4, pp. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735.

The article was submitted on 16.11.2022